

ДАВНО ЛИ наша газетная братия за малчивала его или хаяла; давно ли за чтение книжек, его — тягали на Лубянку, а вот уже в третий раз возвращается он в Москву; и Президент уж отменил брежневский указик о лишении Войновича гражданства; и уже всенародная популярность Чонкина, уже наперебой (наперебой буквально) вещают Войновичем «Голос Америки», «Свобода» и Всесоюзное радио; и рассыпались по газетным страницам (и надо, и не надо) войновичевы интервью, кажется, еще сутки — и родится новый культ, культ Классика Николаевича Войновича, высокоплатанливого, седовласо-улыбчиво-обаятельного, мужественного борца с режимом... но Войнович-человек (враг номер один Войновича-образа) надевает очки, вельветовые штаны и рубашку в клетку, а ля американский безработный, и опять прилетает в Москву 1990-го, чтоб записать в свет новую книгу-бомбу — «Москва 2042», которой распатронит в дым все и всяческие культы и культики: Ленина, Солженицына, Брежнева, Войновича, народобогоноса... словом, читайте сами! А пока:

— Говорят, русским писателям нынче хочется жить на Западе, а печататься в Союзе. Вы, Владимир Николаевич, как раз укладываетесь в эту схему...

— Нет, я предпочел бы жить в Союзе, а печататься и здесь, и на Западе. На Запа-

дство, и общество. Люди должны были ужаснуться не только содеянным преступлением, а просто содрогнуться — почему же мы такие?!

Я также наблюдаю совершенное равнодушие к тому, что называется правами человека. Много шумят, что с ними стало лучше в Советском Союзе: не хватают, не сажают, вот даже такого типа, как пускают. Да, лучше стало, но остается...альное неуважение к личности и на улицах, и в магазинах, и в самых высоких кабинетах. Я не помню, Сахарову вернули награды? Во всяком случае, перед ним в достаточной мере так и не извинились. Освободили практически всех политзаключенных, но освободили по амнистии («простили», значит), и по сей день они не реабилитированы, не благоустроены. Вот, к примеру, народный депутат России Сергей Ковалев нигде не прописан, а реабилитирован лишь потому, что судили его некогда в Вильнюсе, а не в Москве. Скажут, технически трудный вопрос: кого оправдать, кого — нет, кому платить компенсацию, кому — нет. Допустим. Но непонятно, отчего бы Президенту не выступить и не признать, что государство страшно виновато перед этими жертвенными людьми и что необходимые документы и компенсации будут подготовлены позже.

У всех людей должно быть чувство вины перед правозащитниками, ибо в застой

не оптимисты изучают английский язык, пессимисты учат китайский, а реалисты изучают автомат Калашникова...

— Советский Союз — это корабль, который заблудился в океане и которому надо идти хоть в какую-нибудь сторону. Путь может быть короче, длиннее, но где-то до суши добредешь. А корабль все кружится-кружится на одном месте — то «полный вперед», то «малый назад»; то

Корабль «измофреников»

Взгляд издалека

де читатель у меня есть (скажем, «Чонкин» вышел тиражом в полмиллиона только по-английски, это очень много по-тамошнему). Но мой главный читатель — здесь. К тому же мне занимательно участвовать в историческом процессе, а главное мировое событие нашего века происходит именно здесь и сейчас независимо от того, чем все кончится.

— Нет ли, по-вашему, поползновений культа Войновича?

— Поползновения к культу всегда были, есть и будут, но я против культов всех личностей, включая свою. Однажды я был в стране, где мои книги весьма популярны, и ко мне там стали обращаться в третьем лице: «Можно попросить великого писателя вместе сфотографироваться?», «Можно попросить великого писателя передать вилку?». Первый вечер меня это забавляло, а к утру уже стало раздражать.

Я всегда старался честно жить и работать и считал, что заслужил уважение людей. Уважение, но не подобострастие. Это мы оставим другим.

Кстати, есть приемы, используя которые довольно легко стать объектом культа. Следует обдумывать свою вне-е-ешность, мане-е-еры; кричать, как, скажем, Гитлер, или выбрасывать руку, как Ленин; или прохаживаться, покуривая трубку, как Сталин, — все это неотразимо действует на публику, а у молодых людей действует даже не на мозги, а на гормональную сферу — и они орут. Часто речи кумиров ничего не содержат (просто белиберду, вроде «жить стало лучше!»), однако манера подачи производит на толпу впечатление, и толпа начинает повторять и зубрить эти глупости.

— Может ли русский склад ума и души истово принять, слепо отдать себя новой догме взамен марксизма? Или, говоря вашим словом, снова впасть в «измофрению»?

— Может, может, и больше того, люди здесь не излечились от «измофрении», просто заменили, приставили к окончанию «изм» новое начало: не Сталин, так Ленин, не Ленин, так Солженицын. Потом приставят что-то еще.

— Сахаров?

— Из него тоже пытаются посмертно сотворить идола, но Сахаров был слишком человечен, не пользовался всякими приемами и не создал никакого «измофренического» учения.

— Но раз мы не излечились, то каковы же у перестройки шансы на успех?

— Шансы падают, в чем виновато и ру-

виноваты не только Брежнев, Суслов или, там, Хрущев, а все общество, позволявшее такие издевательства над собой... Сахарова схватили, привезли в Горький, и весь Горький делал вид, будто не знает, кто такой Сахаров. Нынче молятся на Солженицына, но когда Солженицына травили и изгоняли — кто? что? — пять-десять человек выступили в защиту. Продолжает царить полное отсутствие ответственности, нежелание отвечать за собственные убеждения, за свои привязанности, за свою любовь, за свои слова.

Вот вы спрашиваете, где я хочу жить. Я пять лет — все годы перестройки — говорил, что я хочу жить здесь, этого никто не слышал. И сейчас тоже. Я вчера своему старинному другу три часа подряд говорил о своих планах возвращения, он слушал, кивал головой, а в конце, провожая меня к дверям, спросил, почему никто из уехавших, ни один человек, не хочет вернуться. Я думаю, что если даже вернусь, люди, видя меня здесь, будут считать, что я — там.

О правах человека здесь много говорят, но настоящего значения их не понимают. Что это вообще такое: идет колонна «Демократической России», которую ведут генерал КГБ и два следователя по особо важным делам?

По-моему, в этой стране вообще мало кого интересует реальное дело. Все эти сессии, съезды превратились в говорильню, в ярмарку тщеславия. Толковых решений — нет. В Союзе писателей: борьба «Апреля» (я из него, кстати, вышел) и остальных за литфонд, за сохранение богатства.

— Злые языки уверяют, что в СССР ны-

«право руля», то «лево руля». А подвигек — нуль.

Вот нынче спорят: та программа, другая... Я не экономист, но, мне кажется, лучше та или эта, чем вообще никакой, а уж мешанина из двух или трех — это телега с лошадьми, впряженными с разных сторон. В западной печати я недавно видел такую карикатуру: Горбачев едет на паровозе, а два стрелочника — Ельцин и Полозков — заворачивают один рельс влево, а другой — вправо. Так оно и есть. Вот если бы руководство приняло четкий конкретный план, пускай с изъятиями, пускай не идеальный, и следовало бы ему. Но в том-то и дело, что нет никаких целенаправленных действий.

А пока пароход — тонет. И каждый обязан подумать о спасении: или добыть себе место в шлюпке, или схватить лишний спасательный пояс и прыгнуть... а реальный путь к спасению — удержать на плаву сам корабль.

— А вы где — на пароходе или в шлюпке? В Мюнхене у вас — дом и семья, в России — читательское признание, слава; вы — очевидец таких интересных событий... Для вас это время — трудное?

— Трудное.

Когда меня спрашивают: люблю ли я Россию, я отвечаю: не знаю, но я ее жалею. Мне просто жаль идущих по улице людей. Вы заметили, если у входо-закатков дверь двустворчатая, то непременно одну створку заколотят, и люди — это, можно сказать, образ советского человека — с авоськами, бедно одетые, пробиваются плечом вперед, двумя встречными потоками, мешая друг другу. Мне жалко человека, который по советским понятиям существует средне, не говоря уж о тех, кто забнен в палатках или просит подаяние в подземных переходах, с ребенком на асфальте.

— Вы не ожидали, что Москва уже сегодня выглядит, как ваша Москва 2042 года (голодная, злая, жуткая)?

— Да, не ожидал и очень жалею. Я не однажды повторял, что писал роман «Москва 2042» как предупреждение. А, к несчастью, все к этому и катится, то есть не книга отражает действительность, а действительность начинает отражать выдумку. Очень, кстати, «измофреническая» ситуация.

Вел беседу Иван ШУХОВ.

Фото Сергея ШАХИДЖАНИЯ.